

Апельсиновый свет

Ей казалось, что новенькая книжка светится. Апельсиновая обложка играла всполохами на полке, освещая серые томики по соседству. Золотые буквы – «Карим Акрамов» – плясали от радости. Неясный фотопортрет автора у окна, бросающего взгляд на тающий женский силуэт, притягивал. Хотелось приобнять его сзади и успокоить. Стихи были про безответную любовь и неважно, что поэт рифмовал неряшливо – «свет – снег, нервы – налево, со мной – с тобой». Асия читала их с увлажнёнными глазами. Девушка вообразила, что все стихи сборника, посвящены ей, что это она отвергала ухаживания автора, а он – мучился. Разговаривая с ним в своих фантазиях, она преображалась.

До знакомства с его стихами Асия была плоская, как книга, а теперь вдруг и талия обнаружилась, и груди нарисовались. Растянувшейся коричневой кофте была дана «отставка» (теперь на ней умывалась библиотечная кошка), и девушка стала порхать по библиотеке в лёгком платье, похожем на костюм бабочки из детского театра.

И вдруг он появился! Именно в тот момент, когда Асия читала его книгу.

– Девушка, а Рустем Кутуй у вас есть? Сборник за 2003 год. Название

не помню. Вишнёвая обложка такая... – Нагловатый голос его диссонировал с фотографией. Она думала у него бархатный баритон. По крайней мере, когда она с ним вела беседы, он отвечал голосом молодого Рената Ибрагимова. Асия, как в кино при замедленных кадрах, поднимала на поэта глаза. И вот, смотрит – сравнивает.

– Я, что ли, не в тот отдел зашёл? – не понимает поэт.

– В тоооот.... – тянет Асия, глядя на кумира снизу вверх, как собачка.

– Кутуй мне нужен. Не Адель, а Рустем! – поясняет Акрамов, затем достаёт блокнот и, забыв про девушку, начинает что-то записывать.

Асия вскакивает и приносит ему «Неотосланные письма» Аделя Кутуя. Потом протягивает апельсиновую книгу и просит автограф.

– Как тебя зовут? – улыбается поэт.

– Ася, – отвечает девушка. – Я вас всего прочитала, а есть ещё?

– Есть, но только на ушко!..

В её ухо потекли тягучие стихи в обрамлении сладковатого коньячного облячка. Она опьянела, хоть половины не разобрала. Сплошное шу-шу-шу.

Он стал приходить к ней на улицу Ботаническую, приносил бутылку

водки, сам же её и выпивал. Она уже научилась мерить их время общения бутылкой. Первая рюмка – поэт возбуждался и, разрубая ладонью воздух, читал стихи куда-то вверх – в пространство, попутно что-то заноса в растрёпанный блокнот или нервно исправляя, после третьей он всегда предлагал ей одно и то же – «полежим?» – после чего во рту у неё оставался привкус спирта и табака. Подустав, он выходил на кухню и добавлял пару рюмок ещё. Иногда брал бутылку с собой в спальню. Когда оставалась недопитой четвертинка, Акрамов превращался в пошляка – сыпал похабными анекдотами, матерился и больно щипал её за бока. От него нехорошо пахло. Несколько раз он скандалил, как-то взял и сдёрнул вместе со скатёркой хозяйскую посуду, отдрал дверцу буфета и вытряхнул весь хрусталь на кафель. Бывало, посылал Асию за крепким пивом. Однажды даже отвесил ей крепкую пощёчину. Девушка выскочила и просидела на лавочке у подъезда битый час, прикрывая опухшую щёку, пока Карим не ушёл. Но она к нему привыкла. Воспринимала как что-то неотъемлемое, своё родное...

Целую неделю он не появлялся. На звонки не отвечал, правда, однажды всё же на другом конце раздалось покашливание и осипший голос проронил: «Суки вы все!» Она закричала: «Карим,

это Ася! Ты где?» На что ей после долгой паузы равнодушно ответили: «И ты тоже – сука!»

Ночью в дверь заскреблись. Он стоял опухший, косматый, истерзанный водкой. Запах перегара наполнил тяжёлым туманом всю квартиру. Покачиваясь, ни слова не говоря, поэт прямо в коридоре выдул шкалик из горлышка, тут же стошнил на телефонный аппарат, и, пробежав в зал, рухнул на диван. Она стащила с него ботинки, на остальное сил не хватило. Карим лежал бездыханный со спущенными штанами.

Была половина второго ночи. Асия вышла на кухню, поставила чайник, и открыла апельсиновую книжку. Стихи потихоньку обволакивали её, брызгая на лицо мелким осенним дождём, они прижимались к её щеке влажным кленовым листом, а потом герой ловил её губы, прячущиеся за воротник плаща. Зонт перевернулся, и струи наполнили его как пиалу. Потом загудела водосточная труба, а из окна напротив заурчал и зафыркал одинокий саксофон...

На мгновение она вернулась в квартиру – чайник засвистел. В проёме увидела дырявый носок, высвеченный полоской от блёклой лампочки. Сквозняк, распахнувший форточку, толкнул кухонную дверь и закрыл от неё поэта... И тогда она вновь погрузила лицо в апельсиновый свет.

Архивная девушка

Л

оскут ткани на ней зеленел полянкой и при ходьбе подмигивал капельками земляники. Гладкие коленки вспыхивали, голубые лодочки ловко перепрыгивали узловатые корни, красная сумочка хлопала по бедру, а старые клёны лапали её пятипальными листьями. Такая вот приятная сердцу летняя картинка!

Как обычно, в 8.25, она, точно утренний сквознячок, проскальзывала между угрюмых сталинок и забродившей попойкой и бежала наискосок к монастырским кельям под ржавой луковкой без креста, внутри которой, как в голубятне, жили божьи птицы, какающие белыми метками на прохожих.

Мимоходом кошачьи глаза её залезали в мутные окна, где задыхались в астмических сумерках пенсионеры в трусах. Какой-то кашляющий алкаш с балкона сказал ей «кис-кис» и показал надкусанный огурчик.

– Дурак! – бросила она ему.

Поборовшись с тяжёлой дверью, вбежала в коридор, где сладковато тянуло бумажным тленом. Мятый сторож дядя Филя уже с утра хрустел луковичей и спросил её, не вылезая из будки:

– А я чё, вчера двери не запер, что ли?! Вот ведь што книжки с человеком делают!

«Книжки» предательски звякнули под ногой.

Девушка переобулась в тихие тапочки. Они у неё были из войлока с яркими стёжками и надписью «Ваалам». Первым делом полила какие-то древние цветы, превратившиеся в заскорузлые

деревья, покормила беззвучную кошечку Аську, нацедив ей в треснутое блюдо из пакетика сметану. Она верила, что в неё после своей смерти превратилась библиотечка Саида Шамилевна, портрет которой стоял за стеклом шкафа. Странное лицо, вроде бы даже красивое, а закроешь глаза и уже не можешь припомнить ни чёрточки. Только чёрно-белое пятно. Шкаф тянулся во всю стену, и там в рядок выстроилось много покойников: некоторых жёлтеньких уже потеснили новенькие. Девушка знала только Саиду Шамилевну, познакомившую её с нехитрыми обязанностями архивариуса: заполнять карточки и отыскивать на стеллажах пыльные папки или амбарные тетради. Библиотечка уостила её пирожками с грибами, а ночью умерла.

Иногда девушке казалось, что за снимками умерших сотрудников стоят не книги, а урны с их прахом. И тогда аркадные своды архива начинали давить всей тяжестью на голову, а в ушах ныть зауспокойные песнопения. Так и на этот раз. Она сбросила с подоконника ворох подкисшей от подтёков бумаги и стала дёргать оконную раму, но та как будто бы прикипела. Сверху посыпалась перхоть старой краски, и принялись летать на паутинках дохлые мухи. Одинокий зайчик, спрыгнув в келью с рано пожелтевшей головы клёна, проскакал по коридору и нырнул в валенок уборщицы.

– Альфия! – позвал из-за стенки старый библиотечка-горбун, сам уже превратившийся в потрёпанную книжку.

Казалось, что на нём можно, посплюнявив, полистать заношенный пиджачок, жилетку, рубашечку и прочитать скушный соцреалистический роман. Он мёрз даже в июле...

Монастырские кельи летом согревались распахнутыми форточками, но стоило отойти в угол комнаты, как пробирал озноб. Если поднести ладонь к щелям пола, то можно было поймать дыхание зимы. Говорят, что там находился склеп настоятеля.

Старик шуршал за стенкой своими бутербродами, завёрнутыми в современные газеты, которые он презирал за пустозвонство. Старика звали Гарип-абый, он целыми днями перебирал подшивки татарских газет за 20-е годы, когда просвистела его молодость, и, прихлёбывая чаёк с лимоном из термоса, наслаждался.

– Я нашёл тут одну заметку, – протянул ей старик копию с ксерокса на латинице. – На-ка, читай, как татарская молодёжь боролась! Трудиться надо, кызым*...

Альфия увидела, как от полок с папками исходит сумрак, и тогда она поспешила по лестнице вниз – на воздух, раздвигая серую вату коленками. Но выход загородили два неповоротливых мужика-медведя, которые дёргали пружину. Командовал ими дядя Филя:

– Дверь надо менять, а не пружину. Даже кошки заходят...

Плотники шутовливо огрызались:

– А ты на чё, дядя? Отпукивайся и никого не пускай!

Альфия вернулась в келью и принялась прибираться. Она всегда так делала, когда находилась в смятении чувств. Намочила тряпочку и стала, напевая, вытирать подоконник, полку, древний стол, на котором зелёное сухо доедал лишайник. Сдвинула стопку бумаги, какие-то папки, и под ноги ей запрыгало что-то коричневое, покрытое шерстью. Она вскрикнула, и уже стоя на табуретке, разглядела, что в зверька превратилось яблоко, которое ей неделю две назад принёс Гарип-абый.

– Смотри, какой наливной! – крутил он его над головой. – На тебя похож, кызым. Сказка, а не яблоко! Эх, матур!**

Она им тогда любовалась как произведением искусства. Внутри в медвяном соку плавали косточки. Было жалко кусать. Отложила и забыла. Теперь мохнатый зверёк истекал гнилью...

Вдруг фотография Саиды Шамилевы заёрзала и полетела на пол – лицом вниз. Место на полке освободилось. Под конец рабочего дня старик уснул, уронив большой ушастый череп на мягкую подушку из газет. Тюбетейка покатила в угол кельи, и в ней уютно расположилась кошка. Дядя Филя будил-будил, не добудился.

А через неделю в келье бабая кто-то зашуршал газетами. Альфия заглянула в замочную скважину – седая мышь пировала на столе остатками бутерброда. Аська сидела рядом и тихонько мурлыкала, как будто бы пела грустную песенку.

* Кызым (мам.) – дочка.

** Матур (мам.) – красивое.